

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*
Редактор серии *Т. Масленникова*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Неаполитанская кошка : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-101764-4

Семь лет назад Зоя Валентинова потеряла самого близкого человека — ее муж Алекс бесследно исчез на дороге, оставив после себя лишь окровавленную кроссовку. Она почти смирилась с участью вдовы, долгие годы оплакивая любимого. Пока одним несчастным утром соседка не показала ей видео из Интернета: простой прохожий из Неаполя кормит на набережной кошек. Пораженная, Зоя узнала в нем своего Алекса! Это был он. Ошибки быть не могло. И вот, бросив свои розы и огород, Зоя отправляется в Неаполь. Здесь, в этом райском месте, обернувшимся для нее настоящим адом, городом, где разбились все ее надежды и мечты, Зоя оказалась втянута в чудовищное преступление международного масштаба...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101764-4

© Данилова А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

1

— *Did you see what I sent you? Yes? So how? You know, I, too, at first suggested so much, how much we saw with you all, a million fakes, moreover, of very high quality. But this film is clean, it was checked a hundred times ... And this is not a dream, John. This is all true. And we must do everything that he was with us. By hook or by crook. Do not believe your eyes? That's the whole point! You know, I have seen a lot in my life, and it is difficult to surprise me, but this is ... Just fantastic! Of course, we will not hurry, they promised me to send something interesting from day to day, from the same place ... But if all this is confirmed, our friends will help us, rest assured — they will bring it to us in a beautiful box, tied with a red bow! Like this. And now, John, I will drink whiskey for me and go to sleep. Jane has already laid down.. It is a pity that I can not show her this video... She would be crazy...*¹

¹ — Ты посмотрел, что я тебе прислал? Да? Ну и как? Знаешь, я тоже сначала так предположил, уж сколько мы всего с тобой видели, миллион подделок, причем весьма качественных. Но эта пленка чистая, ее сто раз проверили... И это не сон, Джон. Это все — чистая правда. И мы должны сделать все, чтобы он был у нас. Вот всеми правдами и неправдами. Не веришь своим глазам? В том-то все и дело! Ты знаешь, я многое в своей жизни повидал, и меня трудно удивить, но это... Просто фантастика! Торопиться, понятное дело, не будем, мне со дня на день обещали прислать еще кое-что интересное, оттуда же... Но если все это подтвердится, то наши друзья нам помогут, уж будь спокоен — нам его принесут в красивой коробке, перевязанной красным бантом! Вот так. А сейчас, Джон, я выпью за нас с тобой виски и пойду спать. Джейн уже легла... Жаль, что я не могу ей показать это видео... Она бы сошла с ума (англ.).

2

Я очень хорошо помню тот теплый июньский день, когда наконец-то распустилась моя роза «императрица Фарах». Я так долго этого ждала, что, когда наконец раскрылся сливочного цвета бутон, я не поверила своим глазам. Она была так хороша и необыкновенна, словно ее, чистую и белую, кто-то взял и окунул концами лепестков в свежую кровь.

Конечно, мне надо было раньше заказать эту розу и начать ее размножать, но у меня в саду и других роз было много, и все — одна чудеснее другой.

Вместе с этой радостью у меня была и еще одна — отсутствие утреннего звонка Миши Гольдмана, моего злейшего врага, влюбленного в меня, что называется, насмерть.

Удивительный человек, ведь все ему объяснила, еще семь лет тому назад, на что он надеется?

Звонит каждое утро и каждый вечер, типа, «доброе утро», «добрый вечер», «как дела» и все такое.

Да какая ему разница, как у меня дела, ведь у него семья, жена-адвокат и две дочки — розовощекие симпатичные блондиночки. Чего не живет-ся человеку спокойно?

Да если бы не его упертость, которую он называет любовью, я до сих пор работала бы медицинской сестрой в клинике и не ушла бы оттуда, на эмоциях хлопнув дверью.

Хотя, кто знает, может, так оно и лучше было — уйти с работы, сдать свою московскую квартиру и поселиться за городом, заняться выращиванием роз, да просто утонуть в целительной лени.

Ровно семь лет тому назад я стала вдовой.

Моего мужа, Александра Валентинова (я с самого начала звала его Алексом), сбила машина. Да так, видать, сильно сбила, что на дороге нашли только окровавленную кроссовку и ключи от дома.

Я где-то слышала, что после сильного удара во время наезда автомобиля на человека, тело вообще словно выбивается из обуви и улетает на несколько метров.

В нашем случае, полагаю, было так же, за исключением того, что сбивший (гад и трус, которого я презираю и никогда в жизни не прощу за смерть мужа), вместо того, чтобы отвезти раненого Алекса в больницу или вызвать полицию, наверняка его где-то закопал.

Может, конечно, сначала пытался лечить, такое тоже случается. Как в кино.

Может быть, лежал мой муж, прикованный к кровати, в каком-нибудь заброшенном доме, куда к нему поначалу приезжал доктор, чтобы делать перевязки. Ну а потом, когда уже стало ясно, что он не жилец, его просто закопали где-нибудь в саду.

Следствие велось вяло; в течение недели, прошерстив траву вдоль шоссе, нашли еще и вторую кроссовку, и тоже всю в крови.

Однако автомобиля, который превратил тело моего мужа в кусок мяса, так и не нашли.

Я, конечно, горевала, не могла спать, совсем себя извела, смотря сутками напролет наши семейные видео, пока моя подруга Ларка не отвезла меня на дачу.

Она даже отгул взяла ради меня, ухаживала за мной, как за тяжелобольной, варила мне бульоны, кормила меня дорогой цветочной пылью, кото-

рая, по ее убеждению, должна была помочь мне восстановить силы.

— Зоя, тебе лучше пожить здесь, на природе, хотя бы пару месяцев, — предложила она, и я согласилась.

Я тогда много спала, гуляла по дачному поселку, подружилась с соседями, охотно делала кому-то уколы, кому-то банки от простуды ставила, составляла травяные смеси от кашля. Словом, пыталась окунуться в другую жизнь, занять себя чем-нибудь полезным.

И главное, на даче мне практически ничего не напоминало об Алексе.

Он редко бывал здесь, предпочитая все свое свободное время проводить у своего друга и коллеги Алика Банка.

Я знала, что у него на квартире время от времени собирается чисто мужская компания, где играют в карты, пьют коньяк и бренчат на гитаре.

Я никогда ничего против этого не имела.

Тем более что, перед тем как выйти замуж за Алекса, мы обо всем договаривались, как говорится, «на берегу» — нам было не по двадцать лет, мне тридцать, Алексу — сорок два, и у каждого за плечами была своя жизнь, свои друзья и привычки (не говоря уже об ошибках, на которых надо бы учиться, чтобы их не повторять).

Мы договорились не мешать друг другу.

Так я время от времени встречалась со своими подружками, и мы проводили время в кафе или ресторанах, на природе или даче одной из нас, а Алекс играл в преферанс в компании Алика, такого же ученого-физика, как и он сам. И жили мы при этом просто прекрасно.

Наш брак продлился недолго, всего полтора года, но если бы меня спросили, что такое счастье, я ответила бы — жизнь с Алексом.

Умный, ироничный, все понимающий и все позволяющий, он всегда был доволен мною, даже когда можно было бы устроить скандал.

С ним было весело, я могла позволить себе быть самой собой и не притворяться, не изменять уж сильно своим привычкам. Мне доставляло удовольствие делать и его счастливым.

Не знаю, почему некоторые женщины считают домашние дела какой-то каторгой или рабством, все это полная чушь.

Я с удовольствием готовила Алексу, в нашей квартире всегда было чисто (для этого мы оборудовали ее умной техникой, которая мне во всем помогала), и мы жили душа в душу.

Так как смеялся Алекс, не смеялся никто — заразительно, мило. Он жил как-то легко, радовался разным мелочам, как ребенок, был нежен и заботлив, да что там — он был просто замечательным человеком и любящим мужем! А сколько всего он знал! До сих пор не пойму, что он-то, такая умница, ходячая энциклопедия, нашел во мне, простой медицинской сестре, пусть и из хирургии.

Хотя, быть может, его сразила наповал моя работа, которую я оказывала ему в послеоперационный период в больнице, где ему вырезали желчный пузырь.

Конечно, мне по штату положено было заниматься своими делами в операционной и уж никак не ухаживать за больными и уж тем более не учить их ходить после операции.

Но видимо, я все-таки, влюбилась в него, иначе как объяснить, что когда увидела его первый раз, когда его только привезли с приступом (операцию, слава богу, делали не мы с Леней Брюхановым, нашим хирургом), то сразу почему-то подумала, что вот этот мужчина наверняка никогда не кричит на свою жену, не устраивает ей скандалы (как это было в моем первом браке с одноклассником и психом-неудачником Димой, который только и знал, что устраивал мне выволочки из-за денег, которые, по его мнению, я тратила налево и направо)...

Не знаю, почему я так подумала, ведь я видела только, как он лежит в приемном отделении, длинный, худой, в голубых джинсах и белых носках, и кажется таким беззащитным и брошенным.

Однако, даже корчась от боли, Алекс умудрялся шутить с лежащим рядом с ним на кушетке страдающим от несварения желудка стариком, рассказывал ему анекдоты. Чем-то он привлек мое внимание.

Должно быть, я смогла как-то прочувствовать его, понять, что он за человек. Да и лицо его было красивым, немного вытянутым, с крупным, красивой формы, носом, тонкими губами и впалыми щеками. И глаза, немного выпуклые, прикрытые тяжелыми веками, почти черного цвета и умные. Да-да, умные глаза с проникновенным, внимательным взглядом. Волосы почти седые, коротко стриженные.

Я знала, что его будут готовить к операции, потому как желчный пузырь его был набит камнями, и что оперировать будет наша прекрасная Лара Трофимова, моя подруга.

Я проследила за всем, что происходило с Алексом в больнице, была в курсе, как прошла операция, как он себя чувствует, и как бы случайно выяснила, что он не женат.

Возможно, появившись в его палате такая же интеллигентного вида женщина, жена, я ограничилась бы лишь наблюдением за пациентом дистанционно, но поскольку к нему приходил только примерно такого же возраста, как и он, мужчина, не то брат, не то друг, я решила немного поухаживать за ним...

Так мы познакомились, подружились, и мне было абсолютно все равно, что болтают за моей спиной медсестры и врачи.

У нас с Алексом случился роман, и наш главврач, Гольдман Михаил Евгеньевич, который давно уже добивался меня, был просто в бешенстве.

Он несколько раз вызывал меня к себе в кабинет, чтобы сделать внушение, мол, не нужен тебе этот «физик-ботаник», что стыдно, Зоя, крутить любовь на рабочем месте. Пытался убедить меня в том, что если я буду к нему, к Гольдману, благосклонна, то мне и вовсе не придется работать и что я смогу спокойно сидеть дома и смотреть сериалы (некоторые мужчины всерьез считают, что для женщины это и есть настоящее счастье).

Словом, нес такую пургу, что мне было за него даже стыдно.

Возможно, он действительно был в меня влюблен и таким вот дурацким способом выражал эту свою любовь, или же я просто оставалась той единственной, не помеченной им как самцом особой женского пола, добиться которую было для не-

го делом чести (это как опытному охотнику пристрелить последнего в лесу оленя).

Много лет прошло, целых семь, как Алекса не стало, и я, понятное дело, как-то научилась жить одна. Любовники — не в счет. Их было всего трое, и все женатые, однако — я никогда в жизни не подпустила бы к себе Мишу Гольдмана. Даже если бы он развелся со своей женой и ограничивался бы выходными, чтобы посвятить их дочкам, — все равно.

Гольдман был свидетелем нашей с Алексом любви, и иногда, когда, уже вдовствующую, он навещал меня, то я начинала подозревать именно его в смерти моего мужа.

Откуда было у меня это чувство — сама не знаю.

Но как-то уж сразу, чуть ли не на следующий день после похорон (хоронили пустой гроб) он навещал меня первый раз, привез денег, вина, сказал, что готов заполнить пустоту в моем сердце. Однако что-то подсказывало мне, что истинной его целью является заполнить пустоту рядом со мной в кровати, занять место Алекса.

В тот день, когда распустилась моя роза «императрица Фарах», я с самого утра нервничала в ожидании звонка Гольдмана, так не хотела, чтобы он звонил и задавал свои дурацкие вопросы, мол, как ты поживаешь, не нужно ли тебе чего.

Думаю, к тому времени я уже была вполне готова к тому, чтобы бросить ему в лицо обвинение в убийстве Алекса.

Четкого плана у меня не было, поскольку не было никаких улик и тем более доказательств.

Понятно же, что одной интуицией здесь было не обойтись. Да и в чем я могла его упрекнуть? В том, что он реально заботится обо мне?

Конечно, было и еще кое-что, что могло бы послужить доказательством его вины, да только и здесь все было непросто.

Деньги, которые подбрасывали мне в мой почтовый ящик, могли быть восприняты мной как мощные извинения за смерть мужа. Но как доказать, что их приносил Михаил?

К тому же помимо этих подношений, откупных, были еще и реальные, в конвертах, деньги, которые Миша приносил вполне легально, и когда я отказывалась их принимать, оставлял их на пороге моего дома.

Вот и спрашивается, если Миша и без того приносил мне деньги (на бедность, надо полагать), то зачем бы ему было подкидывать значительные суммы еще и в почтовый ящик.

Словом, после смерти мужа я уж точно не бедствовала, и любые мои попытки отказаться от Мишиной благотворительности грозили обернуться скандальным выбрасыванием конверта за ворота, прямо на дорогу!

Пару раз Миша уже бросался к воротам, готовый в сердцах вышвырнуть деньги на ветер.

Этого я точно не могла допустить.

Во мне тогда сразу же просыпалась вполне себе реальная, здравомыслящая Зоя, которая, пораскинув мозгами, понимала, что с помощью этих денег она сможет облагодетельствовать кого-то конкретного, помочь реальным остро нуждающимся людям, да тем же проблемным подругам-разведенкам, пострадавшим от мужского коварства.

Вот так я и жила, сонно и тихо, держа на коротком поводке (и ничего не обещая) своего бывшего шефа и тайно от него встречаясь с другими мужчинами.

Однако свидания эти никогда не приносили мне радости.

Распроставшись с очередным любовником и вернувшись со свидания домой, я всегда испытывала странное чувство, смесь вины и какой-то вселенской досады от того, что встречи носили скорее гигиенический характер, чем любовный.

Я искала тепла, ласки и как бы понимала себя и даже оправдывала, но не получала же!

Все было не то.

Мне так не хватало Алекса с его нежностью и теплыми руками, губами. И самое ужасное заключалось в том, что, даже имея крышу над головой, деньги и возможность нигде не работать, я не чувствовала себя защищенной.

С меня тогда, семь лет тому назад, словно содрали кожу, и я стала уязвимой, ранимой и физически постоянно мерзла.

Именно тогда у меня и появилась потребность вязать теплые вещи.

Все, что продавалось, меня не устраивало, мне хотелось свитер в две или даже три толстые шерстяные нитки, и я поначалу вязала просто длинные теплые балахоны, а потом уже начала изучать узоры, копировала себе схемы с «шерстяных» сайтов, накупила пряжи...

Стыдно сказать, что именно тогда, в самое трудное для меня время, я подседа на сериалы. И чем примитивнее был сериальчик, тем умиротвореннее я себя чувствовала.

Даже ложась спать, я не выключала стоящий в изголовье кровати ноутбук и засыпала, уже не глядя, а только слушая очередную серию. Так глушила свою тоску, считая такой образ жизни все же куда более невинным, чем, к примеру, алкоголь.

Мы подружились с Ладой, молодой мамочкой, живущей в соседнем доме в нашем поселке.

Примитивное существо, помешанное на своем ребенке, домашнем хозяйстве и кулинарии, она тем не менее вносила в мое существование элемент самой жизни. Рассказывала об отношениях со своим мужем-бизнесменом, о болезнях малыша, делилась новыми рецептами.

Думаю, тогда-то и я понемногу начала готовить, хотя есть приготовленное было некому.

Да, в тот день распустилась моя роза, и я на какой-то миг почувствовала себя счастливой. И разве могла я предположить, что именно тогда, в тот теплый июньский день, начнется отсчет дьявольского движения по наклонной, которое в конечном итоге и приведет меня если не к электрическому стулу, но к высшей мере наказания за измену Родине — двадцати годам тюрьмы...

Словно судьба, дав мне семь лет полного спокойствия, сопряженного с процессом отупения и деградации, решит встряхнуть меня как следует, помучить напоследок перед тем, как посадить за решетку.

Лада, женщина эмоциональная, впечатлительная, склонная к преувеличению, и каждый ее приход всегда сопровождался какой-то суетой, будоражащими лишь ее новостями, событиями, чувствами. О чем бы она ни рассказывала мне, все, даже